

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(ФАНТАЗИЯ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ВОСПОМИНАНІЯ, ПРЕДСКАЗАНІЯ).

III.

Мимо, мимо всё мои безобразія... Какъ я, достигнувъ совершеннолѣтія, вытребовалъ у дяденьки-генерала свои пять тысячъ, эту—что одно время было для меня вполне ясно — цѣну крови Якова и Фёдки; какъ я эту цѣну крови меньше, чѣмъ въ годъ, разбросалъ безпутно, неумѣло, даже почти безъ удовольствія для себя... Все это—мимо. Не потому, чтобы я хотѣлъ скрывать что-нибудь, а просто потому, что все это было слишкомъ ужъ какъ-то ordinarily и развѣ только вотъ въ какомъ смыслѣ оригинально: все это время, какъ я проматывалъ деньги, какихъ у меня съ тѣхъ поръ въ рукахъ не бывало, да и не будетъ, я жилъ въ той же душной и темной канурѣ на Васильевскомъ Островѣ и образа жизни собственно не мѣнялъ. Какъ это я ухитрился—ужъ не знаю...

Разъ я сидѣлъ и пересчитывалъ остатки своего богатства. Насчиталъ, какъ теперь помню, четыреста тридцать три рубля бумажками, да шесть штукъ золотыхъ. Въ первый разъ, кажется, я призадумался надъ необыкновенно быстрымъ исчезновеніемъ денегъ. (Помѣщеніе ихъ въ какое-нибудь финансовое учрежденіе даже ни разу не приходило мнѣ въ голову). Определенныхъ, впрочемъ, какихъ-нибудь соображеній о ближайшемъ будущемъ все-таки не было, а такъ—просто раздумье нашло. Дѣло вечеромъ было. Я сидѣлъ у стола, на которомъ горѣла лампа. Вдругъ слышу въ коридорѣ какой-то старчески пискливый голосъ: «Григорій Александровичъ господинъ Темкинъ здѣсь квартируетъ?» А черезъ нѣсколько секундъ вошелъ и обладатель пискливаго голоса. Съ разу я его не разглядѣлъ. Увидѣлъ только какую-то странную, длинную хламиду въ родѣ шинели, да бурю цилиндрическую шляпу, которую гость держалъ въ рукѣ. Онъ робко, застѣнчиво повторилъ свой вопросъ: здѣсь-ли «квартируетъ Григорій Александровичъ господинъ Темкинъ». И тутъ я его призналъ: это былъ дяденька-нѣмецъ. Онъ сильно похудѣлъ, но вовсе почти не постарѣлъ, да и мудрено ужъ ему,

впрочемъ, было старѣть. Обрадовался я ему очень, но онъ былъ почему-то смущенъ и, назвавъ меня сначала Гришей, тотчасъ поправился и сталъ величать по отчеству. Когда мы поздоровались, дяденька сбросилъ хламиду и очутился въ сильно потертомъ, но очевидно тщательно вычищенномъ сюртукѣ съ длиннѣйшею таліей. Сѣвъ на стулъ, онъ оглядѣлъ комнату и, наткнувшись взглядомъ на лежавшіе на столѣ остатки моего богатства, вдругъ опустилъ глаза, какъ-то безпомощно положилъ обѣ руки на колѣна и прерывающимся голосомъ произнесъ свою поговорку: «Тутъ вотъ теперича всегда вотъ такъ!» Попугай такъ иногда произноситъ заученую фразу—грустно и не встати. Я видѣлъ, какъ слезы закапали на бѣлоснѣжную манишку дяденьки. Пошли тары да бары, разспросы да рассказы. Оказалось, что дяденька-нѣмецъ прожилъ все время со смерти отца («моего великодушнаго и благороднаго покровителя», выразилась дяденька) въ Митавѣ, очень бѣдствовалъ, тѣмъ болѣе, что не могъ отстать отъ своей страсти къ археологическому хламу, и теперь пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью открыть магазинъ древностей и рѣдкостей.

— Мнѣ совѣтовали продать мои коллекціи, говорилъ дяденька-нѣмецъ, и покупщики были; но вы понимаете, Григорій Александровичъ, что мнѣ это очень трудно... продать... Столько лѣтъ собиралъ и теперича тутъ вотъ всегда...

— Да вѣдь послушайте, дяденька, вѣдь, если магазинъ откроете, такъ все равно продавать будете.

— Да и покупать...

— Ну, да, продавать и покупать?

— Да, да, и покупать...

Такъ я и отсталъ. Ясно было, что дяденька упорно хотѣлъ видѣть только одну сторону задуманнаго предпріятія: покупку археологическаго хлама и, слѣдовательно, расширение своей коллекціи, а отъ продажи всячески отворачивался. Дѣлалъ онъ это до трогательности наивно, что часто бываетъ съ мономанами. Съ такою же наивною дяденька объяснилъ мнѣ, что рассчитываетъ на мою помощь, ибо видитъ во мнѣ сына своего великодушнаго и благороднаго покровителя. «Мнѣ только на первое обзаведеніе, говорилъ онъ:—я скоро поправляюсь и возвращу... еслибы можно было рублей триста... немножко у меня самого есть. Извините меня, Григорій Александровичъ, но въ память Александра Петровича, вотъ тутъ теперича всегда такъ...» Я немедленно и съ полнѣйшею готовностью удовлетворилъ желаніе этого стараго ребенка, который, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ моихъ денежныхъ дѣлахъ и о моемъ положеніи вообще. Дяденька тотчасъ же сталъ веселъ, разговорчивъ, особенно, когда на столѣ зашипѣлъ и забурлилъ на разные лады пузатый хозяйскій самоваръ—дяденька всегда очень любилъ чай. Онъ оказался до такой степени переполненнымъ проектомъ, что ни о чемъ, кромѣ него и связанныхъ съ

нимъ вещей, говорить не могъ. Онъ ужаснулся моей ссорѣ съ дяденькой-генераломъ, котораго объявилъ тоже «великодушнымъ и благороднымъ», но, къ большому моему удовольствію, о подробностяхъ и причинахъ распри даже не спросилъ. Зато съ величайшимъ одушевленіемъ сообщилъ, что уже высмотрѣлъ на Гороховой подходящій для него магазинъ. Съ еще болѣе одушевленіемъ рассказалъ о знакомствѣ, которое онъ успѣлъ свести въ Петербургѣ. Знакомый былъ сосѣдъ дяденьки по меблированнымъ комнатамъ гдѣ-то на Лиговѣѣ. Онъ служилъ нѣсколько времени въ бибиковской ревизіонной комиссіи, учрежденной въ прошлое царствованіе для повѣрки дворянскихъ правъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, и привлекъ къ себѣ сердце дяденьки рассказами объ этой комиссіи. «65,000 фальшивыхъ дворянъ открыли! передавалъ дяденька, чрезвычайно волнуясь, поднимая голосъ до высочайшаго фальцета и обдавая меня брызгами слюней.—65,000! И какой государственный мужъ былъ генералъ Бибиковъ! Онъ сказалъ кievскимъ помѣщикамъ: отнынѣ, говорить, каждый изъ насъ будетъ навѣрное всегда тутъ вотъ теперича знать, что подаетъ руку благородному дворянину!»—Бѣдный, самоотверженный дяденька-нѣмецъ! Онъ такъ искренно радовался тому, что ему не подастъ руки чистокровный благородный человѣкъ...

Скоро на Гороховой объявился новый магазинъ съ вывѣской: «К. К. Фишеръ. Покупка и продажа древностей и рѣдкостей. An- und Verkauf von Antiken».—Дяденька отпраздновалъ новоселье, на которомъ, впрочемъ, кромѣ хозяина, присутствовали только я и старичокъ, служившій въ бибиковской комиссіи—старичокъ, ничѣмъ рѣшительно незамѣчательный. Дяденька угощалъ насъ чаемъ, бутербродами съ кнагъ-вurstомъ и какимъ-то совершенно невѣроятнымъ шишучимъ напиткомъ, съ этикетомъ на бутылкѣ: «Non pareil». Дяденька утверждалъ, впрочемъ, что это—шампанское. Онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, которому подарили очень занятную игрушку. Еслибы я не видѣлъ своими глазами, я никогда не повѣрилъ бы, что человѣческое лицо можетъ вмѣстѣ столько блаженнаго умиленія, сколько его сосредоточилось въ физиономіи дяденьки-нѣмца, когда онъ расхаживалъ по своимъ новымъ владѣніямъ и безъ нужды отпиралъ и запиралъ витрины, заключавшія его сокровища. Онъ не ходилъ, а какъ въ танцовалъ какой-то торжественно-побѣдительный танецъ, высоко взбрасывая вывернутыми въ стороны ногами. Онъ не говорилъ, а, такъ сказать, вѣщалъ исторію каждой своей хламинки, если можно сдѣлать такое существительное. Бесѣдовали мы въ задней комнатѣ магазина, которую дяденька называлъ кладовою и гдѣ совмѣщалась, кромѣ хлама, спальня и столовая. Не успѣли мы еще выпить бутылку Non pareil и дослужать рассказъ дяденьки о голенищѣ Святополка Окаяннаго или о чемъ-то въ этомъ родѣ, какъ въ передней комнатѣ, въ «магазинѣ» послышался звонокъ. «Покупатель! практика!» пере-

шепнулись мы съ нѣкоторымъ даже волненіемъ. Дяденька торопливо обдернула сюртучекъ, пригладилъ височки и вышелъ въ магазинъ. Мы съ бибииковскимъ старичкомъ съ любопытствомъ смотрѣли въ полуотворенную дверь: что будетъ? Вошла не старая, но очень худая и болѣзненная дама въ траурѣ, а слѣдомъ за ней какой-то малый изъ породы петербургскихъ младшихъ дворниковъ внесъ довольно большую корзинку, въ какихъ бѣлье носить. Малый поставилъ корзину на прилавокъ, снялъ шапку и встряхнулъ волосами. Дама торопливо зарылась въ кармакъ. Дяденька спросилъ, что ей угодно. «Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала она, вы, вѣдь, торгуете рѣдкостями?.. Я сейчасъ...» Она еще больше заторопилась, вытащила изъ кармана нѣсколько мѣдуковъ, разроняла ихъ по полу, покраснѣла, стала собирать... Наконецъ, мѣдуки были вручены малому и онъ ушелъ.

— Вотъ, я хочу продать—не купите ли? заговорила дама, ну-мѣло развязывая корзину и вынимая изъ нея различныя, завернутые въ бумагу и переложенные соломой предметы. На прилавкѣ появились штука за штукой пять или шесть стьянокъ съ заспиртованными зародышами челоуѣка и какихъ-то животныхъ, маленькій мѣдный сосудъ странной и не русской формы, коробочка со старыми монетами, безобразная китайская фигура изъ зеленого камня, большой мѣдный осьмиконечный крестъ съ финифтью и, наконецъ, еще какой-то большой предметъ, который я сначала не могъ разглядѣть, но который привлекъ къ себѣ все вниманіе дяденьки: какой-то неровный широкій металлическій обручъ. Дяденька отобралъ въ сторону этотъ обручъ, нѣсколько монетъ, мѣдный сосудъ и спросилъ, что это все будетъ стоить. «А этого мнѣ вотъ тутъ не надо», прибавилъ онъ, презрительно отодвигая рукой стьянки съ зародышами и прочее. — «Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, тоскливо заговорила дама:—пожалуйста, все вмѣстѣ... куда-жъ я дѣну? Я вамъ еще хотѣла принести, у меня мужъ собиралъ, да я не знаю... Вѣдь, вы все равно продадите». Дяденька подумалъ и согласился. Сторговались они очень быстро на восемнадцати рубляхъ, и кромѣ того, дяденька записалъ адресъ дамы, чтобы посмотрѣть у нея на дому остатки коллекціи ея мужа. Дяденька съ сіяющимъ лицомъ поднесъ намъ вещь, показавшуюся мнѣ издали желѣзнымъ обручемъ: это былъ обломокъ шлема.

— Двѣнадцатаго вѣка, какъ дважды два, пицалъ онъ на самый побѣдоносный манеръ:—а можетъ быть, и одиннадцатаго... варяжскій... видите, крылатые звѣри вычеканены... видите дырѣя: это—мѣста для глазъ въ забралѣ... Эхъ!.. вотъ кабы тутъ еще кусочекъ не обломался... Можетъ быть, кто-нибудь изъ вашихъ предковъ тутъ вотъ теперича всегда носилъ, Григорій Александровичъ... Ну-ка, я примѣрю...

И съ видомъ челоуѣка, вѣнчающаго кого-нибудь лаврами за услуги отечеству, дяденька-нѣмецъ сталъ мнѣ надѣвать на го-

лову обломокъ шишака. Но голова моя вся ушла въ этотъ желѣзный обручъ, такъ что онъ очутился на плечахъ.

— Хе-хе-хе, весело залился дяденька:—головы тогда больше были... теперъ умнѣе, поспѣшилиъ онъ меня успокоить:—всегда вотъ тутъ умнѣе и образованнѣе... Ну, а тогда... хе-хе-хе... тогда больше, богатыри вотъ тутъ были...

— Тяжела ты шапка Мономаха! вставилъ неизвѣстно въ какомъ смыслѣ бибиковскій старичокъ и тоже весело разсмѣялся раскатистымъ старческимъ смѣхомъ.

— А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Мономаха? блеснула у дяденьки веселая идея, которую онъ, однако, развить не успѣлъ, потому что въ магазинѣ опять раздался звонокъ. Дяденька пошелъ, какъ былъ, съ знаменитымъ варяжскимъ шлемомъ въ рукѣ. Мы съ бибиковскимъ старичкомъ опять припали къ полуотворенной двери. И представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ посѣтителѣ Башкина. Онъ былъ такъ же красивъ, какъ и прежде, и та же лѣнивая, насмѣшливая полуулыбка бѣгала подъ его неширокими черными усами. Я уже его давно не видалъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ окончательно пересталъ бывать у дяденьки-генерала. Я ему даже какъ будто обрадовался, но подойти почему-то и не думалъ. Башкинъ, съ обыкновенной своей вѣжливо, насмѣшливой манерой-поздравилъ дяденьку съ новосельемъ. И когда тотъ разинулъ ротъ отъ недоумѣнія, онъ пояснилъ, что знаетъ всѣ антикварскія лавки въ Петербургѣ и если, дескать, не зналъ дяденькина магазина, такъ, значить, онъ отерлся недавно.

— Сегодня вотъ тутъ, отвѣчалъ дяденька, видимо смущенный изяществомъ наружности, манеръ и рѣчи посѣтителя.

— Ну вотъ; значить, я—какъ разъ на навоселье. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь изъ Помпей?.. Помпейскихъ древностей? пояснилъ Башкинъ, видя дяденькино недоумѣніе. Надо сказать, что дяденька сунулся въ воду антикварской торговли, не спросясь броду: онъ зналъ толкъ только въ рыцарскихъ нѣмецкихъ и въ русскихъ древностяхъ, а о Помпей, можетъ быть, и не слыживалъ.

— Нѣтъ? продолжалъ Башкинъ.—Жаль. А фарфору старого? Оказалось, что и фарфору нѣтъ. Башкинъ пообѣщалъ зайти въ другой разъ и попросилъ имѣть его въ виду, если дяденька въвернется что-нибудь подходящее. Передъ самымъ уходомъ, онъ спросилъ, чтò такое держать дяденька въ рукахъ. Тотъ пустился съ увлеченіемъ объяснять многоразличныя достоинства варяжскаго шлема, чтò, повидимому, очень мало интересовало Башкина. По крайней мѣрѣ, онъ, кажется, просто для того, чтобы сказать что-нибудь и благовидно прекратить болтовню старика, перебилъ его вопросомъ: и чтò же эта вещь можетъ стоить? Дяденьку этотъ вопросъ, очевидно, засталъ въ распλοхъ, потому что онъ далеко еще не вошелъ въ роль торговца. Онъ расписывалъ достоинства варяжскаго шлема, какъ любитель, а совсѣмъ не какъ

купецъ, который желаетъ товаръ лицомъ показать. Поэтому онъ, даже какъ будто въ лицѣ перемѣнился, услышавъ вопросъ Башкина, и нѣсколько секундъ молчалъ. — Восемь... запнулся онъ наконецъ, и вдругъ рѣшительно и быстро добавилъ:—восемьдесятъ пять рублей. При этомъ, онъ почти выдернулъ шлемъ изъ рукъ Башкина и ревниво прижалъ его къ своей бѣлоснѣжной манишкѣ. Башкинъ посмотрѣлъ на него съ насмѣшливымъ любопытствомъ, молча раскланялся и ушелъ.

Кнакъ-вурсть былъ съѣденъ, Non pareil выпить, ставни магазина заперты, бибииковскій старичекъ зѣвалъ самымъ заразительнымъ образомъ, я тоже аппетитно потягивался, раздумывая, какъ неприятно будетъ тащиться на Васильевскій Островъ, но зато какъ сладко будетъ завалиться сегодня пораньше спать. Дяденька, правда, не уставалъ носиться въ эмпирахъ, но расколотись было, все-таки, пора. Разошлись. Не пришлось мнѣ, однако, въ эту ночь завалиться пораньше. Напротивъ, я ее совсѣмъ безъ сна провель...

— Гдѣ ты, полуночникъ, шляешься? сердито-ласково, какъ и всегда, встрѣтила меня патриархальная Василиса, одной рукой цѣломудренно придерживая рубашку, слѣзавшую съ ея плечь, а въ другой держа пальмовую свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.— Право, полуночникъ. Иди скорѣе, тебя тамъ барышня сколько времени дожидается.

— Какая барышня?

— Извѣстно какая, настоящая; сестрица, говорить, твоя. Не тебѣ бы, полуночнику, такую сестрицу...

Но я уже не слушалъ воркотни Василисы, въ нѣсколько прыжковъ очутился въ своей комнатѣ и, черезъ какія-нибудь двѣ секунды, обнималъ свою Соню. Дѣ, меня ждала Соня...

Тутъ-то вотъ и начинается нѣчто, совершенно къ моимъ силамъ не подходящее. Какъ я вамъ опишу Соню, когда это—сама красота? я разумѣю душевную красоту, хотя Соня и собой хороша была. Заставляя теперь проходить передъ собой исторію этой чудной дѣвушки, перебирая памятью безчисленное множество ея крупныхъ и мелкихъ эпизодовъ, я чувствую съ болѣзненною ясностью, что всѣ слова, какія я могъ бы написать для изображенія ея, либо пошлы, либо ходульны. Нѣтъ словъ... Конечно, еслибы я былъ большой художникъ, слова нашлись бы, и я заставилъ бы васъ, какъ выражается Достоевскій, «молитвенно и колѣнопреклоненно» отнестись къ моей Сонѣ. Но я—не только не большой художникъ, а даже ни самамалѣйшей претензіи на художественность не имѣю и потому просто боюсь испортить дѣло своимъ грубымъ перомъ, боюсь, что не сумѣю сказать правды, а или какъ-нибудь урѣжу ее, или расцвѣчу аляповато. Какъ могла уродиться такая красота среди, повидимому, совсѣмъ не подходящихъ условій—я не знаю. Готовъ бы былъ даже прямо называть ее уродомъ, выродкомъ, еслибы не имѣлъ счастья встрѣчать въ жизни и другихъ людей, правда, очень немногихъ, въ

которыхъ находилъ то слабое, а то и очень сильное выраженіе той же самой красоты. Моя задача—изображеніе Сони—съ перваго же ея появленія передъ вами усложняется тѣмъ, что я засталъ ее у себя въ комнатѣ не одну. И этотъ другой, съ кѣмъ она сидѣла, дожидаясь меня, былъ, если хотите, тоже уродъ: онъ былъ геній...

Послѣ первыхъ объятій, прерываемыхъ совсѣмъ бессмысленными восклицаніями сквозь слезы радости, Соня показала мнѣ на какого-то молодого человѣка, совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ смущенно стоялъ у стола, опершись на него одной рукой, а другую заложилъ за спину. Неловкая, какая-то двойственная, не то сочувственная, не то горькая, не то конфузная улыбка некрасиво кривила его ротъ. Несмотря на то, что я въ эту минуту былъ меньше всего способенъ наблюдать, мнѣ показалось, что онъ не просто сконфуженъ, а больше, чѣмъ сконфуженъ. Я угадалъ, какъ потомъ оказалось.

— Вотъ, Гриша, я безъ тебя знакомство ужъ свела. Вотъ... а какъ же васъ зовутъ? весело обратилась Соня къ молодому человѣку. Контрастъ этого вопроса съ тономъ, предполагавшимъ какъ бы очень близкое знакомство, выходилъ очень забавенъ. Мы всѣ трое невольно расхохотались и затѣмъ взаимно отрекомендовались. Молодого человѣка звали Дмитрій Николаевичъ Бухарцовъ. Онъ только третьяго дня поселился въ сосѣдней со мной комнатѣ. Наканунѣ, утромъ, я слышалъ, какъ онъ посылалъ Василису въ лавочку.

— Вотъ вамъ пять копеекъ, Василиса, говорилъ мой, тогда еще незнакомый мнѣ сосѣдъ: — вотъ вамъ пять копеекъ; вы на три копейки купите сливокъ, а на остальное, понимаете? на все остальное, до послѣдней копейки, самыхъ сахарныхъ сухарей...

— На остальное! Много тутъ остального. Сахарныхъ-то всего четыре штуки дадутъ, возражала Василиса, заливаясь смѣхомъ.

— Ахъ, Василиса, Василиса, продолжалъ дурачиться сосѣдъ: — такой вы чудесный экземпляръ человѣческой породы, а надъ бѣднымъ человѣкомъ смѣетесь: бѣдному человѣку четыре сухаря какъ разъ...

Такъ вотъ съ этимъ-то чудакомъ Соня и успѣла, дожидаясь меня, свести знакомство. А это странное, быть можетъ, для васъ обстоятельство (странное, впрочемъ, для того только, кто не жилъ и не бывалъ въ небогатыхъ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ) налагаетъ на меня тяжелую обязанность представить вамъ съ разу двухъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый требуетъ пера поискуснѣ моего. Начну съ Бухарцова. Во-первыхъ, это много легче; во-вторыхъ, Бухарцовъ мелькнулъ передо мной, какъ метеоръ, какъ онъ, блестящій, какъ онъ, скоропреходящій, какъ онъ особенный, точно не имѣющій никакой связи съ другими явленіями природы. Въ самомъ дѣлѣ, Бухарцовъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Встрѣчу съ нимъ я

ченный эпизодъ, законченный — смертью, значить, невозвратно, безнадежно законченный...

Представьте себѣ молодого человѣка, лѣтъ двадцати четырьехъ-пяти, средняго роста, очень худого, чуть-чуть сутулаго, съ узкими и низенькими плечами, съ волосами сѣро-пепельнаго цвѣта, жидкими и мягкими, такого же цвѣта маленькими усами и едва пробивающейся бородежкой, длиннымъ носомъ и неопредѣленнымъ цвѣтомъ лица. Черты, какъ видите, все очень незамѣательныя. Вы такихъ людей сотни, конечно, видали. Но можетъ быть, вы не видали такихъ глазъ и такой верхней губы, какъ у Бухарцова. Глаза у него были голубые и поражали по временамъ необыкновенною живостью и блескомъ, а по временамъ такую упорною сосредоточенностью, что она казалась почти тупостью. Верхняя губа тоже была характерная: средній выгибъ ея выдавался треугольникомъ, который крѣпко, точно замкомъ запералъ, ложился на нижнюю губу. Простите эти мелочи. Это я себя тѣшу, очень хорошо понимая, что не дамъ вамъ ни малѣйшаго понятія о физиономіи Бухарцова. Кто его зналъ, впрочемъ, тотъ вѣрно вспомнить. Одѣвался онъ ни на что не похоже. Все время, что я его зналъ, онъ лѣто и зиму носилъ одну и ту же трепаную и засаленую шотландскую шапочку безъ подкладки и вѣтчатый, черный съ зеленымъ, пледъ. Узенькій, черный галстухъ вѣчно совершалъ кругошейное путешествіе, такъ что бантъ торчалъ то на правой сторонѣ, то на лѣвой, а то и на затылкѣ. Откуда онъ бралъ платье — Богъ его знаетъ, но только оно всегда сидѣло на немъ мѣшкомъ, чѣмъ онъ ни мало не смущался. Помню, разъ онъ получилъ уроки въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, которыми онъ, по разнымъ стороннимъ соображеніямъ, дорожилъ. Представляться надо было во фракѣ. Онъ досталъ фракъ у какого-то знакомаго гораздо выше и шире его. Но Бухарцовъ совершенно искренно вѣрилъ, что онъ вполне элегантенъ въ своихъ обыкновенныхъ, какихъ-то муруго-пѣгихъ панталонахъ и въ этомъ чужомъ фракѣ, который сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Мимоходомъ сказать, уроковъ этихъ онъ далъ всего, кажется, два — не поладилъ.

Прошлое Бухарцова мнѣ мало извѣстно. Знаю, что онъ воспитывался въ одномъ изъ самыхъ привилегированныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, кончилъ тамъ курсъ, но науки тамошней не взлюбилъ и уѣхалъ тотчасъ же по выходѣ за границу, гдѣ три или четыре года занимался естественными науками. Вернулся онъ въ Россію ученымъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Вы, пожалуй, этому не повѣрите; но дѣло въ томъ, что способностей онъ былъ, по истинѣ, громаднхъ. Никогда не встрѣчалъ я такой силы анализа, такой способности къ обобщенію, такого быстраго усвоенія фактическаго матеріала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполне трезво и сознательно: Бухарцовъ былъ гениальный умъ. Что же ка-

сается до его учености, то тутъ я—плохой, конечно, судья, но зато имѣю факты. Бухарцовъ самостоятельно работалъ на берегу Средиземнаго Моря надъ мелкими морскими животными. Этого рода изслѣдованія, какъ извѣстно, въ послѣднее время сильно подвинули науку впередъ и прославили нѣсколько именъ. Въ числѣ ихъ Бухарцовъ занималъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ, еслибы смерть не подкосила его такъ безжалостно рано. Онъ вывезъ множество наблюдений и весь этотъ матеріалъ предполагалъ обработать въ Россіи по готовому уже, совершенно определенному плану. Но напечатать онъ успѣлъ только одну свою, и то небольшую работу. Вы можете ее найти въ бюллетеняхъ петербургской академіи наукъ. У меня до сихъ поръ хранится подаренный мнѣ Бухарцовымъ оттискъ этой статьи на нѣмецкомъ языкѣ (бюллетени нашей академіи по русски не издаются) съ собственноручной его поправкой. Въ началѣ статьи говорится, что авторъ успѣлъ обработать только часть своего матеріала wegen *Zeit-und Geld-Mangel*, то-есть, по недостатку времени и *deners*. Академія вычеркнула недостатокъ денегъ, ибо русскому ученому этимъ страдать не полагается... Не могу судить, какое именно значеніе имѣетъ для науки эта единственная напечатанная ученая работа Бухарцова, но знаю, что на нее довольно часто ссылаются очень высокіе европейскіе авторитеты. Еще недавно прочелъ я въ книгѣ одного такого авторитета слѣдующее: «Изслѣдованіями Фрица Мюллера, Бухарцова и Геккеля обнаружено» и т. д. Но эта работа составляла какую-нибудь сотую, и того меньше, долю того, что хотѣлъ и имѣлъ сказать по своей специальности Бухарцовъ. По безобразной волѣ судьбы, онъ умеръ при такихъ странныхъ и до сихъ поръ не вполне для меня ясныхъ условіяхъ, что вмѣстѣ съ нимъ погибли и заготовленные имъ матеріалы, и вещи, болѣе или менѣе обработанныя...

Какой свѣтильникъ разума погасъ

Какое сердце биться перестало!

Да, и сердце перестало биться великое. Свойственной специалитамъ черствости и узкости въ Бухарцовѣ не было и слѣда. Совсѣмъ напротивъ. Помню, былъ въ университетѣ диспутъ по предмету, близко Бухарцову знакомому. Послѣ официальныхъ оппонентовъ выступилъ и онъ. Съ магистрантомъ онъ былъ знакомъ, даже, кажется, гдѣ-то за границей они вмѣстѣ работали. Онъ началъ такъ: «Ну-съ, г. N, теперь позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ. У насъ совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ, потому что мы съ вами, по крайней мѣрѣ, литературу своего предмета знаемъ». Официальные оппоненты, кто переглянулся, кто презрительно усмѣхнулся, выслушавъ эту дерзость безбородатаго юноши. А Бухарцовъ, сдѣлавъ два три спеціальныя замѣчанія, объявилъ, что не объ этихъ частныхъ ошибкахъ и упущеніяхъ диссертации, равно какъ и не о несомнѣнныхъ достоинствахъ ея, намѣренъ онъ говорить. «Науки, продолжалъ онъ:—въ Россіи еще не было и нѣтъ въ настоящее вре-

мя. Съ извѣстной точки зрѣнія, бѣда эта еще не большая, такъ какъ вопросъ не въ томъ: есть ли въ странѣ каста ученыхъ, подобострастно преклоняющихся предъ общественнымъ мнѣніемъ и запродавшихъ выводы свои за опредѣленную степень благосостоянія, спокойствія и за право безнаказанно знать и понимать многое, нисколько не обязываясь въ тоже время проводить свои убѣжденія въ жизнь? но—существуютъ ли ученые въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. общественные дѣятели, почерпающіе изъ предмета своихъ занятій какіе-нибудь практическіе выводы, отдающіе свою жизнь науцѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, что признають въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала—разрѣшенію общественныхъ вопросовъ?». И т. д., и т. д. Бухарцовъ былъ человѣкъ веселый, любилъ шутить, болтать всякій вздоръ, но въ серьезныхъ случаяхъ онъ говорилъ именно такъ, какъ я представилъ: нѣсколько книжно, длиннѣйшими періодами и чрезвычайно быстро, торопливо, глотая слоги и цѣлыя слова. Разговорнаго такта, онъ, впрочемъ, не имѣлъ ни на грошъ, никогда не сообразовался ни съ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ, ни съ свойствами лицъ, его слушающихъ. Слошъ и рядомъ обливаль онъ, на примѣръ, меня каскадомъ такихъ спеціальностей, которыхъ я совершенно не понималъ и которыми ни малѣйше не интересовался. Остановить же его, разъ онъ былъ въ ударѣ, не было возможности: «послушайте, да вѣдь, это такъ просто» и пойдетъ, и пойдетъ опять. Насколько умѣстно было начало его рѣчи на университетскомъ диспутѣ—судите ужъ сами. Предсѣдатель и магистрантъ не нашли его умѣстнымъ, и Бухарцовъ долженъ былъ, наконецъ, замолчать, не безъ борьбы, однако. Было, конечно, дерзко говорить такую рѣчь въ сонмѣ патентованныхъ ученыхъ. Но, во-первыхъ, Бухарцовъ крѣпко вѣрилъ въ то, что говорилъ, а во-вторыхъ, дерзость была вообще въ его характерѣ. Не та дерзость, которая раздражается ругательствами. Нѣтъ, онъ крѣпкихъ словъ вообще не любилъ, а циническая брань даже ни разу не осквернила его устъ. Мимоходомъ сказать, онъ и вина не пилъ. Только подъ самый конецъ полюбилъ онъ глинтвейнъ и ликеры и очень этимъ тѣшился. Помню: придемъ мы, бывало, обѣдать въ греческую кухмистерскую или въ средней руки трактиръ, и Бухарцовъ, заказывая обѣдъ, заранѣе прибавляетъ: «а послѣ обѣда рюмочку ликеру»—какого, ему было все равно, было бы сладко. Такъ дерзокъ, говорю, онъ былъ ужасно, и что особенно замѣчательно въ такомъ слабосильномъ и нервномъ человѣкѣ, онъ и физическою храбростію обладалъ тоже до степени дерзости. Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, гдѣ-то за границей, Бухарцовъ разсвирѣпѣлъ на кучера, который ударилъ бичемъ прохожаго: въ одну секунду, Бухарцовъ былъ на козлахъ, пара лошадей остановлена, и кучеръ просилъ прощенія. Я и самъ былъ свидѣтелемъ одного такого его столкновенія съ

буйнымъ, огромнымъ и сильнымъ человѣкомъ, причѣмъ восторжествовалъ Бухарцовъ. Въ другой разъ, онъ совершенно серьёзно предлагалъ дуэль «на ножахъ въ темной комнатѣ». Понятно, что враговъ у него было много (были даже такіе, которые серьёзно увѣряли, что онъ глупъ), но зато много было и друзей. Я, признаться, не понимаю, какъ можно было не любить эту чистую и изумительно богатую натуру, эту дѣтски наивную душу. Правда, жить съ нимъ постоянно въ мирѣ не было никакой возможности. Мнѣ тоже случилось съ нимъ разъ поссориться, но ссора вышла на перепискѣ, а нѣсколько минутъ личнаго свиданія и прямого разговора сразу все уладили.

Что касается существа рѣчи, полу-сказанной Бухарцовымъ на диспутѣ, то это была его святая святыхъ. Благодаря огромнымъ, хотя нѣсколько одностороннимъ свѣдѣніямъ и гениальному уму, необыкновенно склонному къ обобщеніямъ, онъ, можно сказать, ежедневно осыпалъ насъ гипотезами, теоріями, оригинальными сближеніями, не придавая имъ никакого значенія, а такъ, между дѣломъ. Такъ льется вода изъ переполненнаго сосуда. Но надъ всей этой роскошью теоретической смѣлости (пожалуй, опять дерзости) царила одна идея, которой Бухарцовъ придавалъ великое значеніе. Онъ мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея. Не могу похвастаться, чтобы я хорошо его помнилъ, но знаю, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ идеями, напримѣръ, г. Стронина и тому подобныхъ реформаторовъ. Впрочемъ, мнѣ случалось все-таки встрѣчать въ литературѣ прямое отраженіе идей незабвеннаго друга-учителя... Работалъ Бухарцовъ беспорядочно, но страшно много, читалъ рѣшительно все, соприкасающееся съ его специальностью, и, кромѣ того, жадно пополнялъ пробѣлы своего образованія по другимъ отраслямъ. Откуда онъ бралъ деньги на такую массу русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ—я не знаю. Я думаю, онъ и самъ не зналъ. Родные его были люди очень состоятельные (они жили въ провинціи), но онъ былъ съ ними не въ ладахъ и не получалъ отъ нихъ ни гроша. Затѣмъ онъ давалъ уроки, занимался переводами, но вообще бралъ деньги гдѣ случится и тратилъ ихъ самымъ беспорядочнымъ образомъ, хотя кутежи его не шли дальше рюмочки ликеру или стаканчика глинтвейну. Если онъ бралъ гдѣ случится, такъ и отдавалъ кому случится. Никогда не забуду я уморительной сцены у одного нашего общаго пріятеля. Онъ жилъ въ маленькомъ заведеніи мебелированныхъ комнатъ, всего комнаты въ четыре, считая хозяйскую. Какъ-то разъ, мы съ Бухарцовымъ заночевали у него. Я улегся въ комнатѣ пріятеля, а Бухарцову хозяйка, добродушная, пожилая полька, предложила лечь въ одной изъ свободныхъ (а они всѣ на ту пору были не заняты) комнатъ. Она очень старательно уложила его, постлала чистое бѣлье и вообще была чрезвычайно любезна. Улеглись. Не помню ужъ, съ чего началось дѣ-

до, кажется, съ того, что Бухарцовъ слишкомъ громко переключался съ нами черезъ стѣну, но только хозяйка начала понемножку ворчать на безцеремонность и неблагодарность Бухарцова. Дальше—больше; хозяйка, наконецъ, стала уже просто кричать, что выгнать его съ своей кровати и чтобы онъ убрался вонъ изъ ея квартиры. Бухарцовъ столь же громко и совершенно серьёзно удивлялся: «Вотъ дура-то! ея кровать! вонъ изъ квартиры! вотъ дура! куда я ночью пойду?!» И т. д. Споръ вышелъ чрезвычайно горячій; но Бухарцовъ, по обыкновенію, побѣдилъ, а на утро они были опять пріятелями съ хозяйкой. (У него была способность нравиться, особенно простымъ людямъ, хотя онъ не дѣлалъ для этого рѣшительно никакихъ усилій. Такъ ужъ какъ-то выходило). Если онъ былъ пораженъ требованіемъ хозяйки, то зато нисколько не поражался, если кто-нибудь обращался къ нему съ требованіемъ его муруго-пѣгихъ панталонъ или зеленого съ чернымъ плѣда.

Но лучше всего, весь пѣбликомъ, Бухарцовъ выразился въ слѣдующемъ сложномъ эпизодѣ. Я упоминалъ уже, что при видѣ нашей встрѣчи съ Соней онъ былъ больше, чѣмъ сконфуженъ. Дѣло въ томъ, что у него тоже была сестра, которую онъ любилъ до чрезвычайности и которой, какъ онъ думалъ, плохо жить у родныхъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ потомъ, что эта-то мысль и грызла его, когда онъ увидѣлъ, какъ мы съ Соней обнимались и плакали отъ радости. Но Бухарцовъ былъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться передъ какой нибудь рисованной попыткой. Онъ рѣшилъ, ни больше, ни меньше, какъ похитить сестру и переправить ее за границу. Операція трудная и дорого стоящая. Нужны, прежде всего, деньги. Бухарцовъ немедленно вступаетъ въ соглашеніе съ однимъ издателемъ и берется перевести въ извѣстный срокъ съ латинскаго обширный трактатъ по зоологій, за что ухитряется стрбовать тысячу рублей впередъ чистыми деньгами. Попытка похищенія и переправы за границу окончивается полнымъ фіаско, деньги, однако, на нее истрачиваются, и Бухарцовъ остается съ обязательствомъ исполнить заказъ. Надо замѣтить, что латинскаго языка онъ почти не зналъ и даже вѣрнѣе будетъ сказать—совсѣмъ не зналъ. Но онъ такъ хорошо зналъ предметъ, что, при помощи лексиконовъ и знанія новѣйшихъ языковъ, произвелъ, вмѣсто обѣщаннаго перевода, нѣчто очень несладное, но колоссальное. Онъ не успѣлъ кончить эту изумительную работу, но листовъ пять печатныхъ я уже видѣлъ въ корректурѣ. Сначала идетъ текстъ съ рѣдкими и небольшими примѣчаніями переводчика. Потомъ примѣчанія все растутъ въ числѣ и объемѣ и, наконецъ, совершенно изгоняютъ текстъ. Остаются одни только примѣчанія переводчика, требующія уже новыхъ примѣчаній. Бухарцовъ рассчитывалъ вложить сюда результаты всѣхъ своихъ самостоятельныхъ работъ, ничтожная доля которыхъ появилась въ бюллетеняхъ академіи наукъ, и всѣ свои завѣтныя мысли. Оттого, на ряду съ тонкостями спе-

ціальної ерудиції, попадають такія примѣчанія къ примѣчаніямъ (у меня сохранилась часть корректуры): «Я вообще не могу въ моихъ дополненіяхъ къ Ван-дер-Гёвену слишкомъ вдаваться въ теоретическія соображенія и выводы относительно примѣненія всѣхъ этихъ чисто анатомическихъ вопросовъ къ ршенію вопросовъ общественно-экономическихъ. Поэтому, я опять только обращаю вниманіе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбриологическая теорія имѣетъ главною своею цѣлью отысканіе законовъ физиологій общества, и потому всѣ мои дальнѣйшія сочиненія будутъ, конечно, основаны на научныхъ данныхъ, излагаемыхъ мною въ этой книгѣ».

Все это погубило. Бухарцовъ, можно сказать, только приступилъ къ этому переводу, если можно такъ назвать задуманное имъ оригинальнѣйшее произведеніе...

Такъ вотъ каковъ былъ человѣкъ, котораго я засталъ у себя въ комнатѣ, когда вернулся съ новоселья дяденки-нѣмца. Я буду вводить его при случаѣ, когда понадобится, въ дальнѣйшій разсказъ, но теперь мнѣ хотѣлось хотя немножко выдѣлать его фигуру. Вы, пожалуй, удивитесь, что ничего не слышали объ такомъ замѣчательномъ человѣкѣ. А, милостивыя государыни и милостивые государи, на то были особыя причины. Да и мало ли, вѣдь, вы чего не слышали? Вѣрно только то, что благонамѣренные творцы «новыхъ людей» прозѣвали много любопытнѣйшихъ типовъ и что, хоть тѣма эта и надоѣла порядочно, но вовсе не потому, что она исчерпана. Нетронутой красоты тутъ довольно. Вы, вѣроятно, и о Далматовѣ ничего не слышали. Я тоже не слышалъ, пока не прочелъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 8 апрѣля) его коротенькую біографію. Газеты не только не попытались разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія, возбуждаемыя этою біографіей, но даже ни одна ея не перепечатала. Мнѣ хочется ее вамъ разсказать («С.-Петербургскія Вѣдомости» заимствовали ее изъ «Одесскаго Вѣстника»).

Николай Дмитріевичъ Далматовъ родился въ 1842 г. въ Пермской Губерніи отъ состоятельныхъ родителей-помѣщиковъ. Служилъ въ военной службѣ. «Гуманность его и доброе отношеніе къ нижнимъ чинамъ снискали ему искреннюю любовь послѣднихъ, несмотря на то, что онъ былъ строгъ, гдѣ это было необходимо по его мнѣнію. Но «одинъ въ полѣ не воинъ», и бороться съ окружающимъ строемъ было не подъ силу молодому человѣку... Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика. Въ 1859 г. онъ получилъ, по духовному завѣщанію умершей въ это время матери, 1,000 десятинъ земли съ соответственнымъ числомъ крестьянъ. Не заключая никакихъ условій, Николай Дмитріевичъ даетъ крестьянамъ волю и отдаетъ имъ всю землю, не оставляя себѣ ничего, за что и получилъ высочайшую благодарность». Дальнѣйшія похождения Далматова таковы. Поступилъ въ петровско-разумовскую академію, служилъ контролёромъ на заводѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, служилъ на маринской системѣ.

былъ на ковровскихъ заводахъ, откуда, услыжавъ, что готовится болгарское возстаніе (въ концѣ 60-хъ годовъ), отправился черезъ Одессу въ Болгарію. Въ Одессу онъ уже прибылъ безъ копейки. Кое-какъ удалось ему поступить матросомъ на купеческое судно и такимъ образомъ достигнуть цѣли путешествія. Прибывъ на мѣсто, онъ получилъ-было командованіе надъ однимъ изъ сформировавшихся отрядовъ; но, такъ какъ возстаніе не состоялось, то ему пришлось искать работы. Онъ поступилъ рабочимъ на казенный пулелитейный и патронный заводъ въ Бѣлградѣ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Потомъ вернулся въ Россію, переходилъ въ разныхъ должностяхъ (большею частью, въ качествѣ рабочаго) съ одного мѣста на другое и, наконецъ, попалъ рабочимъ въ слесарное отдѣленіе механическаго завода Яхненко и Симиренко, гдѣ пробылъ около полутора года. Оттуда Далматовъ поступилъ сперва въ курскую желѣзно-дорожную мастерскую слесаремъ, потомъ слесаремъ же въ конотопскую мастерскую. Здѣсь его застало герцеговинское возстаніе. Онъ немедленно поѣхалъ туда и въ сраженіи подъ Карагуевацемъ 8 (20) января убитъ. Былъ онъ причастенъ и литературѣ, но объ этомъ въ замѣткѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» говорится очень неясно и неточно.

Вотъ, милостивые государи, фигура. Красивая фигура. Конечно, это—еще не фигура, а только остовъ, скелетъ, формулярный списокъ. Пусть художникъ одѣнетъ его плоть, пусть онъ реставрируетъ его жилы и погонитъ по нимъ горячую алую кровь, пусть разгадаетъ его душу и расскажетъ какъ и что двигало Далматова; пусть художникъ сдѣлаетъ все это — и вы должны будете преклониться предъ красотою этого образа. А между тѣмъ, вы ничего не слышали объ этомъ человѣкѣ, хотя онъ «получилъ высочайшую благодарность», а это не втихомолку дѣлается. Ахъ, господа, какъ многого мы съ вами не знаемъ... Да и не понимаемъ тоже очень многого. Странная это, въ самомъ дѣлѣ, штука. Мы, кажется, такъ умѣемъ цѣнить добродѣтель, умъ, талантъ, заслуги, такъ любимъ служить панихиды и справлять юбилей. А между тѣмъ, «герой», въ смыслѣ положительнаго типа, намъ почти неизвѣстенъ въ беллетристикѣ. Это, въ сущности—такая же условная фигура, какъ «первый любовникъ», «комическая старуха», «благородный отецъ» и т. п. на сценѣ. Это—«амплуа» и только. Наши большіе художники или совсѣмъ избѣгаютъ этого амплуа, или не умѣютъ съ нимъ справиться, и даже у большіхъ художниковъ, не говоря о мелкотравчатыхъ, амплуа героя сплошь въ рядомъ занимаетъ парикмахерская вывѣска, шамлетизированный поросенокъ или вызолоченный осель. Это удивительно. Конечно, тутъ много причинъ дѣйствуетъ. Во-первыхъ, тѣ совершенно ужъ постороннія причины, которыя разогнали фантастическій юбилей Мосейча въ щедринскомъ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Во-вторыхъ, очень драгоценное само по себѣ качество русскаго человѣка вообще—трезвость. Не та трезвость, которая водки не пьетъ —

этого русскій человѣкъ не боится—а трезвость нравственная, боязнь ходульности и риторики. Это качество само по себѣ превосходное, но и его можно пересолить. Очень долгое въ этомъ смыслѣ воздержаніе, а особенно если оно отчасти насильственное, т. е. разгоняется, какъ юбилей Мосейча, можетъ повести къ совершенной невозможности дать за чрезвычайно высокое нравственное явленіе настоящую цѣну: русскій человѣкъ любитъ поторговаться. Наконецъ, есть и еще, я думаю, причина, если не самая важная, такъ самая распространенная. Существуютъ извѣстные образцы, шаблоны красоты, многочасно и многообразно разработанные. Надоѣли они, откровенно говоря, хуже горькой рѣдьки. Надоѣли, я думаю, даже самимъ писателямъ, которые ихъ эксплуатируютъ. Какъ хотите, а я не могу повѣрить, чтобы Тургеневъ свои «Вешнія воды», напримѣръ, или Левъ Толстой добрыя семь восьмыхъ «Анны Карениной» писали съ удовольствіемъ. Скучно имъ было. Молодые писатели, должно быть, скучаютъ тоже, потому что сплошь и рядомъ, изображая даже «новаго человѣка», облачаютъ его ветхимъ Адамомъ, усваиваютъ всѣ приемы, всю рутину «старога красиваго типа». Происходить это, я думаю, оттого, что, хоть оно и скучно, да не трудно, именно потому, что образцы готовы, передъ глазами. А между тѣмъ, отойти отъ этихъ образцовъ и выработать новыя вовсе ужъ не такъ, кажется, невозможно. Конечно, *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. А впрочемъ, когда я слышу эту поговорку, мнѣ всегда хочется прибавить: *et l'art de critique?*

Надо искать новыхъ образцовъ тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ совѣтъ не искали, или искали очень мало. Когда Щедрина надоѣли юбилей архивариусовъ и проч., ему приснился юбилей Мосейча, и юбилей этотъ оказался не впримѣръ законнѣе юбилей помощника эзекутора Севастьянова. Къ этому источнику беллетристика наша обращалась уже, впрочемъ, не одинъ разъ и часто съ большимъ успѣхомъ. Чтобы не поминать старога, еще недавно г. Златовратскій заставилъ насъ съ огромнымъ удовольствіемъ отпраздновать юбилей «крестьянъ-присяжныхъ», выведя при этомъ много чертъ дивной красоты. Народъ, какъ источникъ новыхъ или мало тронутыхъ образцовъ красоты, можетъ быть, даже особенно подходитъ къ нашей русской трезвости, боязни ходуль и риторики. Что такое Мосейчъ? Какой онъ «герой»? Онъ пятьдесятъ лѣтъ «ни разу не отступилъ отъ правилъ истинной крестьянской жизни и безпрекословно принималъ всѣ ея невзгоды; всегда въ трудахъ, всегда въ потѣ лица своего добывая хлѣбъ свой... И памятуя церковь божию... Онъ прокармливалъ семью свою, не щадя ни силъ, ни крови своей... И ложе супружеское несверно содержа... Никогда не задерживалъ податей, сидѣлъ въ острѣ въ совершенствѣ исполнилъ т судебъ предопредѣлено...» А виновность отбываютъ, тоже въ

значение, которое въ совѣтѣ судебъ predetermined. Такие люди могутъ вложить «силу всю души великую» въ отбываніе повинности и, слѣдовательно, доставить художнику богатѣйшій матеріалъ, но это—все-таки только отбываніе повинности, исполненіе обязанности, а значить первое условіе изображенія даже великой силы ихъ души—есть простота. И вотъ эта-то простота и есть, я думаю, камень, на которомъ должно построиться зданіе новой красоты. Не знаю, понятно ли я выражаю свои мысли. Вамъ, можетъ быть, покажется, что я предлагаю апоѳеозъ пассивности. Но это не такъ. Вотъ, напримѣръ, въ очеркахъ г. Г. И. «Люди и нравы», дѣдъ Парменъ, типъ «ходока», который ужъ побывалъ и въ острогѣ, и въ Сибири, и еще разъ рѣшилъ: «коли такъ, такъ, стало, Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!». Видно, ужъ Господь батюшка, Никола-милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!» Помните, какъ «старый дѣдъ, съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровной поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новыя лапти, пошелъ воевать за свое дѣло». Это—значительное уклоненіе отъ чисто пассивнаго типа, это—уже отчасти типъ воинствующій: какъ ни какъ, а дѣдъ Парменъ идетъ «воевать». Но онъ идетъ воевать за *свое* дѣло, и въ этомъ-то состоитъ крайняя простота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромная и рѣдкая въ нашей литературѣ красота его фигуры. Мірское дѣло есть его личное дѣло, срослось съ нимъ; онъ никого не благодѣтельствуетъ, никому не приноситъ жертвы. Если со стороны глядѣть, такъ онъ, конечно, подвигъ совершаетъ, но самъ-то старый дѣдъ Парменъ тоже въ родѣ какъ повинность отбываетъ, а не героическое какое-нибудь дѣло совершаетъ.

Этотъ же самый принципъ простоты и, если хотите, своего рода эгоизма долженъ быть введенъ и въ изображеніе нашего брата. Еслибы я осмѣлился, въ художественномъ смыслѣ, поднять руку на дорогую мнѣ память Бухарцова, я, конечно, не скрылъ бы истинно героическихъ его чертъ. Но онъ самъ и не подозрѣвалъ бы даже этого, онъ дѣлалъ бы *свое* дѣло, а такъ какъ онъ былъ склоненъ къ созиданію теорій, то непременно возводилъ бы эгоизмъ даже въ принципъ. И, поставивъ дѣло такимъ образомъ, я былъ бы правъ, почти фотографически правъ, то-есть вполне вѣрнѣ оригиналу. Вы, конечно, можете мнѣ не повѣрить, что Бухарцовъ, еслибы смерть не подкосила такъ рано эту жатву жизни, могъ бы, еслибы захотѣлъ, быть ученою знаменитостью на всю Европу. Но я его, во всякомъ случаѣ, такъ понимаю и такъ изобразилъ бы. Но никогда, ни въ серьезнѣйшихъ интимныхъ разговорахъ, ни среди самой необузданной шутливости, не прорывалось у него тяготѣніе къ этой перспективѣ. Я ужъ не говорю, что онъ не мечталъ о славѣ ученаго. Это—еще не богъ знаетъ чтó. Но онъ любилъ свою спеціальность, былъ полонъ жажды знанія вообще и даже, помню,

говаривалъ, что охотно поселился бы навсегда гдѣ-нибудь на берегу моря или въ тропическихъ лѣсахъ, единственно для того, чтобы «съ нимъ говорила морская волна и была ему звѣздная книга ясна»; охотно отдался бы онъ жаждѣ знанія, если бы... если бы не чувствовалъ обязанности, «повинности» жить въ обществѣ и направлять свою эрудицію извѣстнымъ образомъ. Но съ этою обязанностью онъ такъ же сросся, какъ дѣдъ Пармень съ обязанностью ходака. Совершенно такъ же и дѣдъ Пармень охотно лежалъ бы на печи и грѣлъ свои старыя кости, если бы мирское дѣло не было его собственнымъ дѣломъ. Оттого и Бухарцовъ былъ такъ простъ. Самая его дерзость была нечто иное, какъ простота. Говоря свою рѣчь на диспутѣ, онъ былъ прекрасенъ именно своею простотою, именно тѣмъ, что онъ дѣлалъ свое собственное дѣло, собственную свою душу выкладывалъ, предлагая ученому ареопагу связать «Генезисъ въ типѣ пальмелевидныхъ водорослей» (что-то въ этомъ родѣ составляло тѣму диссертаціи) съ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ; самъ постоянно работая мыслью въ этомъ направленіи, онъ вовсе не думалъ предлагать или совершать что-нибудь достойное благодарности. Нѣтъ, онъ исполнялъ только свою обязанность и, притомъ, такую, которая облегчала его личное существованіе. Его тяготила громадная масса его знаній, прибрѣтенная насчетъ невѣжественнаго общества. Онъ только сбрасывалъ съ души своей тяжесть. Или вотъ тоже Далматовъ. Его можно художественно двоюкимъ, даже тройкимъ образомъ обработать. Романистъ, въ родѣ г. Стебницкаго, сдѣлаетъ изъ него, пожалуй, нѣчто въ родѣ каторжника и, во всякомъ случаѣ, бахвала, глупца, жертву разныхъ зловредныхъ постороннихъ вліяній, заставить его жалѣть о поведеніи съ крестьянами и потребуетъ, чтобы въ бѣдности онъ оказался нечистъ на руку. Объ этомъ жанрѣ я ничего не имѣю сказать. Благонамѣренные изобразители «новыхъ людей» и «молодаго поколѣнія» сдѣлаютъ изъ Далматова «героя», сознательно приносящаго жертвы, благодѣтельствующаго, освобождающаго и т. д. Надо имѣть много таланта, чтобы это не вышло ходульно, но и при большомъ талантѣ, это, все-таки, будетъ мотивъ старый и порядочно пріѣвшійся, это будетъ все-таки ветхій Адамъ, хотя и симпатичный; старый образецъ или шаблонъ красоты. Можно иначе изобразить Далматова. Можно представить дѣло такъ (какъ оно, навѣрное, и было въ дѣйствительности), что онъ никого не благодѣтельствуешь, никакихъ жертвъ не приносить, а только и занятъ усмиреніемъ своей собственной бунтующей совѣсти. Пусть во-очію развертыва кровью весь прекрасный формул: всѣмъ читателямъ будетъ ясенъ онъ дѣлаетъ свое личное дѣло. маленькую передвижечку въ ст: сдѣлать. Но сдѣлайте ее—и вас:

но новой красоты. Вы скажете, можетъ быть, что такимъ образомъ освящается начало собственного благополучія, какъ говорить обыкновенно, эгоизма. Нѣтъ, зачѣмъ же? Искусство есть своего рода гласный нравственный судъ. Оно освѣщаетъ свой матеріалъ такъ или иначе и, значить, освящаетъ въ немъ то или другое, но, прежде всего, оно должно имѣть и всѣмъ показывать свой матеріалъ. Матеріалъ этотъ долженъ постоянно обновляться, какъ обновляется жизнь, изъ которой онъ черпается. И самый характерный для нашего времени матеріалъ—есть разладъ совѣсти съ жизнью. Искусствомъ онъ пока затронуть только чуть-чуть. (Я могъ бы все по пальцамъ пересчитать). Онъ имѣеть, вѣроятно, скромныхъ Пименовъ, которые, вотъ какъ я, сидя у себя въ кельѣ, ведутъ свою безыскусственную лѣтопись. Но въ самомъ скоромъ времени, можетъ быть, завтра, должна появиться художественная его обработка. Будущій художникъ отнюдь не взглянетъ на свой матеріалъ, какъ на старый только разладъ идеала съ дѣйствительностью, а какъ на совершенно ясную, специальную, опредѣленную его форму, именно: какъ на разладъ совѣсти съ жизнью. Это далеко не одно и то же. Какой-нибудь гамлетизированный поросенокъ можетъ, во имя чрезвычайно высокаго идеала, несоответствующаго дѣйствительности, придти въ отчаяніе, вожделиво «складывать на пустой груди ненужныя руки»; можетъ даже бороться съ дѣйствительностью, но съ полнымъ сознаниемъ своихъ многообразныхъ преимуществъ передъ простыми смертными, своего величія. Все это можетъ продѣлывать даже не гамлетизированный поросенокъ, а настоящій человѣкъ; но, во всякомъ случаѣ, это—старый типъ, исчерпанная тема. Для созданія новой темы, поросенокъ долженъ весь проникнуться той мыслью, что онъ—дѣйствительно поросенокъ, хотя и съ чрезвычайно нѣжнымъ, бѣлымъ, жирнымъ мясомъ; не любоваться этимъ мясомъ онъ долженъ, не выставлять его, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, на показъ, а, напротивъ, терзаться имъ. Если онъ неспособенъ на это, такъ и чортъ съ нимъ, пусть остается поросенкомъ, на ходули его, во всякомъ случаѣ, не зачѣмъ ставить. Настоящій же человѣкъ (въ смыслѣ новой темы) и самъ на ходули не пойдеть. Всѣ его преимущества передъ простыми смертными, въ чемъ бы они ни состояли, должны его тяготить, его должна за нихъ грызть совѣсть, и потому, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, онъ будетъ дѣлать свое собственное дѣло. Много разнаго люда видалъ я на своемъ вѣку, много размышлялъ о людяхъ, и—повѣрьте моею опытности—если человѣкъ говоритъ: «я хочу принести пользу», «я пожертвую собой общему благу», «я хочу облагодѣтельствовать человѣчество или родину, или какой-нибудь околонецъ», если онъ говоритъ это даже вполне искренно, такъ это еще ровно ничего не значить. Трудно выразить благороднѣйшую задачу жизни какими-нибудь другими общими формулами, и пылая молодежь всегда говорить эти слова. Въ

этомъ еще ни бѣды нѣтъ, ни радости. Припоминая весь рядъ людей, съ которыми меня сталкивала судьба, я вижу, что почти всѣ они говорили: я пожертвую, я хочу приносить пользу и т. п. Но одни ставили на первый планъ свои, иногда (конечно, рѣдко), дѣйствительно, большія достоинства и отъ нихъ уже спускались къ интересовавшему ихъ дѣлу, которое выходило, такимъ образомъ, дѣломъ чужимъ, только по великодушію, по благородству души, признаваемымъ за свое. Очень все это болѣею частью искрено было, кое-кто даже пострадалъ, но все-таки крайне непрочно. Дрянъ потомъ изъ этихъ людей выходила иногда ужасная. Другіе, напротивъ, исходили изъ своего личнаго дѣла, изъ сознанія своихъ собственныхъ грѣховъ, требующихъ искупленія. Здѣсь-то будущій художникъ и найдетъ своихъ героевъ. Личное благополучіе, какъ принципъ, есть штука, конечно, очень, какъ бы сказать... мѣщанская, чтó ли. Стремленіе къ личной чистотѣ и соотвѣтственное покаяніе—штука старая и давняя искусству, кажется, уже все, чтó съ нея взять можно. Но чувство *личной* отвѣтственности за свое *общественное* положеніе—есть тѣма новая и почти нетронутая. Это чувство двигало и Бухарцова, и Далматова. Конечно, тутъ очень различны комбинаціи возможны. Я знавалъ, на примѣръ, такихъ людей, которые въ жизни не сбивались съ пути, но постоянно брызжали и ворчали на собственную совѣсть, не дающую покоя и мѣшающую отдаться всякимъ истиннымъ—очень любопытный типъ. Знавалъ и такихъ, которые сбивались совсѣмъ незамѣтно и, очутившись, въ сущности, при одномъ чисто мѣщанскомъ личномъ благополучіи, продолжали думать, что они совсѣмъ не сбились. Чувствую, что выражаюсь не ясно, но, можетъ быть, потомъ, на примѣрахъ, дѣло выяснится. Я вамъ разныхъ людей покажу, какъ съумѣю: кого словами расскажу, кого во-очію представлю.

Однако, и старыхъ шаблоновъ красоты бросать не слѣдуетъ. Въ нихъ есть кое-чтó истинно и еще надолго прекрасное, особенно если и въ нихъ сдѣлать маленькую передвижечку. Вотъ, на примѣръ, такая тѣма: мать, убаюкивающая ребенка. Тѣма очень старая. Привычный, набившій руку художникъ въ нѣсколько минутъ набросаетъ вамъ картинку: мать, блондинка или брюнетка, пользующаяся или непользующаяся супружескимъ счастьемъ, лѣтомъ на крыльцѣ помѣщичьей усадьбы, или зимой, въ бѣдной, но уютной комнатѣ, съ радостными или горестными мыслями, баюкаетъ ребенка. Слабымъ или сильнымъ, но приятнымъ сопрано или контральто она поетъ берсеусе или колыбельную пѣсню г. Майкова, положенную на музыку г. Рубцовъ, или такъ какой-нибудь подслушанный у няньки мотивъ. Право, кажется, я всѣ возможныя комбинаціи перечислилъ. Но очевидно, что только очень большое мастерство изложечія можетъ спасти дальнѣйшія варьяціи этой тѣмы, и самъ художникъ будетъ скучать, выбирая ихъ. А я бы вотъ какъ поступилъ. Я бы от-

нялъ у матери и сопрано, и контральто, и вообще всякій голось, слухъ и всякіе мотивы. Я бы заставилъ ее нескладнымъ голосомъ пѣть какой-нибудь совершенный вздоръ, безсмысленный наборъ словъ въ невозможныхъ склоненіяхъ и спраженіяхъ. Я бы заставилъ окружающихъ смѣяться надъ ея пѣніемъ, хотя бы и добродушно, а она пусть, не смущаясь, мѣрно ходитъ изъ угла въ уголь, качаетъ ребенка и тянетъ свою нескладницу: «золотую мою сѣночку, бѣлую березочку, голубую кошечку, бай-бай-бай» и т. п. Можетъ быть, я и преувеличиваю, но мнѣ кажется, что одна эта черточка, комическая и трогательная вмѣстѣ, способна, въ рукахъ художника, возбудить новый интересъ въ читателѣ, которому давно прѣѣлись описанія матери, убаюкивающей ребенка. А между тѣмъ, весь смыслъ этой маленькой черточки только въ томъ и состоитъ, что она сильнѣе другихъ налегаетъ на материнскую «повинность». Не велико дѣло—убаюкивать ребенка пріятнымъ контральто или сопрано: ребенокъ заснетъ самъ-собою, а кромѣ того, прохожій остановится, послушаетъ, мужъ полюбуется голосомъ «звонкимъ и ласковымъ», да и самой весело. Среди этихъ разнообразныхъ и все пріятныхъ обстоятельствъ, еще неизвѣстно, насколько дѣло вашего ребенка совпадаетъ съ вашимъ личнымъ дѣломъ. А вотъ вы попробуйте пѣть безъ голоса, возбуждать насмѣшки, оскорблять эстетически развитое ухо и все-таки пѣть—тогда будетъ видно.

Я понимаю, что это, черточка мелкая, ничтожная, и привелъ ее такъ къ слову. А ежели я къ ней и пристрастенъ, можетъ быть, такъ потому, что этотъ образъ безголовой матери мнѣ очень близокъ. Такъ пѣвала моя бѣдная Соня, и я, грѣшный человѣкъ, смѣялся надъ ея пѣніемъ и «голубой кошечкой», да и мудрено было не смѣяться. Но что все-таки это трогательно было и достойно хорошей кисти—это вѣрно.

Это я далеко впередъ забѣжалъ. Пока, еще ни одно облачко не сгустилось надъ головой Сони. Она сидитъ у меня, свѣжая, не помятая жизнью, веселая, какъ птица, выпущенная изъ кѣлѣтки. Бухарцовъ тотчасъ же ушелъ, и мы остались вдвоемъ. Разговора нашего передать нѣтъ никакой возможности. Да и не разговоръ это былъ, а чортъ знаетъ что, потому что мы другъ друга почти не слушали, перебивали, цѣплялись за отдѣльныя слова, хотали. Соня высипала передо мной, какъ горохъ изъ мѣшка, груды институтскихъ воспоминаній, впечатлѣній дороги въ Петербургъ и наблюденій надъ Анной Сергѣевной (генеральшей Темкиной), которая, въ качествѣ жены опекуна, взяла ее къ себѣ изъ института. Она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала какую-то классную даму и какого-то учителя, которые помогли ей «развиться». Хотя я очень привыкъ слышать это тогда модное слово и самъ его часто употреблялъ, но въ устахъ Сони оно было какое-то несоотвѣтственное. Я не могъ не улыбнуться, отчасти снисходительно-покровительственно. Соня отнес-

лась къ моей улыбкѣ съ видомъ человѣка, который имѣетъ въ рукахъ неопровержимѣйшія доказательства, но предоставляетъ все времени: «Думаешь, нѣтъ? думаешь, нѣтъ, Гриша? Вотъ увидишь, увидишь!» щebetала она. Анна Сергѣевна ей очень не понравилась, а генерала Темкина она еще по старой памяти не любила, за его надменную строгость вообще и за зуботычины Якову въ особенности. И генераль, и генеральша меня ей очень бранили, называли «драннымъ и грязнымъ мальчишкой», «пропащимъ человѣкомъ» и предостерегали ее отъ моего пагубнаго вліянія. Не отпустить ее повидаться со мной было, однако, нельзя. Ей данъ былъ въ провозатые лакей, тотъ самый, который когда-то аккуратно каждый мѣсяцъ приносилъ мнѣ мои двадцать пять рублей. Не заставъ меня дома, Соня осталась ждать, а лакея отпустила. Но часовъ въ десять, онъ явился опять съ строжайшимъ требованіемъ Анны Сергѣевны «пожаловать домой». Соня объявила, что не уйдетъ, не выдавъ меня, хоть бы ей пришлось ночевать въ моей комнатѣ. Лакей тоже стоялъ упорно на своемъ, но его, наконецъ, прогналъ Бухарцовъ, слышавшій весь споръ изъ своей комнаты. Этимъ и началось знакомство Сони съ Бухарцовымъ. «Онъ—чудесный, аттестовала его Соня:—только должно быть голова у него не въ порядкѣ, странный такой». Съ своей стороны, и я рассказалъ исторію своихъ отношеній съ генераломъ и генеральшей Темкиными, но очень бѣгло, кратко и поверхностно. Я не хотѣлъ посвящать Соню въ подробности послѣдняго посѣщенія Анны Сергѣевны, а насчетъ первой стычки съ генераломъ изъ за Якова и брата-мужика конфузился въ другомъ родѣ. Передъ этимъ свѣжимъ, свѣтлымъ созданіемъ мнѣ было стыдно съ разу признаться, что Яковъ и братъ-мужикъ давно уже перестали меня беспокоить, а потому я скомкалъ весь этотъ эпизодъ. Въ душѣ я рѣшилъ, что Соня все это непременно должна узнать, но отложилъ исповѣдь до другого раза. На этотъ разъ, и Соня, впрочемъ, не была расположена къ серьезному разговору. Извѣстію о дяденькѣ-нѣмцѣ она очень обрадовалась.

Самую суть нашей бесѣды составляли, однако, не эти все-таки серьезныя или, по крайней мѣрѣ, фактическія рѣчи, а тѣ передаваемые вздоры и пустяки, поводъ которымъ давали и нѣкоторыя забавныя институтскія манеры Сони, и патриархальная Василіса, которая безъ меня приходила занимать ее, и вообще все, что попадалось подъ руку. Проболтали мы такъ часовъ до шести. Солнце, которое только въ это время и заглядывало въ мою конурку, навело было насъ на мысль идти гулять, но я увидѣлъ, что, несмотря на бодрость духа Сони, плоть ея немощна: глаза у нея совсѣмъ слипались. Мы, наконецъ, улеглись, не раздѣваясь, она на диванѣ, я на кровати (такъ хотѣла Соня) и, черезъ какихъ-нибудь четверть часа, Соня спала сладкимъ сномъ.

Г. Темкинъ.